

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЕРЕДИНЫ XIV в. (Николай Кавасила)

В Византии середины XIV в. нелегко было найти среди думающих и пишущих людей (а именно с ними и имеет возможность «общаться» современный историк) такого, кто был бы равнодушен к политическим судьбам своей страны. 40—60-е гг. были трудной порой для империи. Еще теплилась надежда выжить, каким-то чудом выбраться из сложного стечения обстоятельств. Но рядом с надеждой жил страх, отчаяние: турки перешли в решительную атаку, часть страны была оккупирована сербами. Внутри империи бушевали бури междоусобья.

По-разному вели себя представители византийской интеллигенции в это тяжелое для родной земли время. Многие оказались втянутыми в политическую борьбу за власть, за обладание короной. За Палеологами и Кантакузинами, пытающимися захватить, удержать или — в крайнем случае — поделить трон, стояли очень разные по своим идеалам и устремлениям представители интеллигенции¹. Одни из них надеялись в результате победы того или иного магната увидеть на троне сильного правителя, могущего вынести корабль империи из бушевавшей стихии внешних вторжений и внутренних междоусобий в тихую гавань благополучия. Другие же активно включились во внутреннюю борьбу, надеясь в общей шумихе политических страстей прибрать к рукам новые земли и крестьян — источники для получения прибавочного продукта². Среди сторонников Палеологов, с одной стороны, и кантакузинистов — с другой, было немало и честных, ищущих спасения для родины интеллигентов, но, несомненно, больше было тех, кто старался нажиться на общей беде.

Когда оказалось задушенным зилотское движение, когда турки теснее сжали кольцо осады, когда оснований для надежд на неожиданное спасение не оставалось, большинство образованных людей эпохи мучилось вопросом: что делать? Одни надеялись на союз с Западом, доводя его даже до унии католицизма и православия, другие искали выход из создавшейся неблагоприятной ситуации в консолидации всех балканских православных народов (таких было меньшинство), третьи, выбирая из всех зол наименьшее, предпочитали помощь турок, нежели

каждодневные злобствования православных друг против друга. Вполне объяснимы бытовавшие в этот период самые пессимистические настроения тех, кто усматривал во всеобщей политической сумятице близящийся конец мира. Эсхатологический настрой мыслей характерен в эту пору даже для прогрессивно мыслящих интеллигентов (например, для Никифора Григоры с его «Плачем»³). Надежда на спасение мира с приходом Сына человеческого, либо с просветленной обреченностью «жизни во Христе» были отдельными, довольно популярными вариантами ответов на самый злободневный вопрос дня: как быть?

Николай Кавасила не был крупным политическим деятелем, как, например, его сверстник, одноклассник и друг Димитрий Кидонис, ставший первым министром (месадзоном) трех византийских императоров. В 40—60-х гг. XIV в. Николай Кавасила лишь изредка появляется на политической сцене, да и то не в главных ролях.

В историографии политическое лицо Николая Кавасилы определяется разноречиво. Большинство исследователей называет его сторонником Иоанна Кантакузина⁴, другие считают изворотливым двурушником⁵, третьи называют «защитником народа, искателем социальной справедливости», утверждая, что он поддерживал зилотов и сам мог рассчитывать на помощь народа⁶.

В вопросе о политических настроениях Кавасилы следует обратить внимание на его происхождение, на среду, в которой он вырос.

Николай Кавасила Хамает происходил из фессалоникийской аристократической семьи. Фамильное имя отца — Хамает — было достаточно уважаемо в Фессалонике XIV в. Приводимая Р. Лэнертцем и Аф. Ангелопулосом надпись у ворот Анны Палеологини северной стены акрополя (1355 г.) называет кастрофилакса Иоанна Хамаета⁷. Однако более известным было в это время имя Кавасил. Это родовое имя Николай унаследовал от своей матери-аристократки, сестры фессалоникийского митрополита Нила Кавасилы, широко известного работами по религиозным проблемам.

Первые сведения о юноше Кавасиле мы получаем из «первых рук» — из его писем к отцу и друзьям из Константинополя, куда он уехал примерно в 1347 г.⁸ для завершения своего образования, начатого дома под руководством Нила Кавасилы⁹. Письма его студенческих лет полны ностальгических настроений. Живя в Константинополе, он страдал воспоминаниями о родном городе. В письмах к отцу он писал, что охвачен страстным желанием предпочесть родной дом чужой земле (*ten allotrian*)¹⁰. Именно любовью к родным местам и дому отца продиктовано его стремление написать похвальное слово в честь св. Димитрия, духовного защитника Фессалоники, и покровительствующей городу императрицы Анны Савойской. Как известно, отец Николая Кавасилы поощрял сына в этом его намерении. И хотя энкомий св. Димитрию, варианты которого обсуждал молодой Кавасила в письмах домой¹¹, был в значительной степени риторическими упражнениями старательного ученика, в нем нашло отражение, так же как и в проектах энкомия Анне¹², написанного позже¹³, уважение к патриотическим и политическим убеждениям его отца.

По письмам юношеских лет мы не можем сказать о политических настроениях автора. В них нет и отзыва тех общественных бурь, которыми был охвачен Константинополь в конце 30 — начале 40-х гг. Не нашли в них отражения споры паламитов и варлаамитов, смерть Андроника III, разногласия Иоанна Кантакузина и Алексея Апокавка. Жадно изучая юриспруденцию, философию, астрономию, богословие, риторику, Николай Кавасила был, пожалуй, далек от событий дня. Осмелившись же обратиться с похвалой к политическому лицу — Анне Савойской — он всего лишь демонстрировал отцу, стороннику Анны, свои успехи в учебе.

Завершив образование в столице, Николай Кавасила в 1342 г. возвращается в Фессалонику, уже охваченную зилотским движением. У нас нет оснований вслед за Аф. Ангелопулосом сказать, что в это время Николай Кавасила, как и все, относящиеся к благородным семействам, был заинтересован в счастье Кантакузина¹⁴: об этом не говорит ни сам Кавасила, ни кто-либо о нем. Вполне допустимо предположить, что Николай, вернувшись в охваченный легитимистскими настроениями в отношении правящей династии Палеологов город, на первых порах сохранял свои прежние юношеские позиции, во многом подсказанные ему отцом.

Нам трудно судить о последующей трансформации политических настроений Николая Кавасилы в первые годы зилотского движения. Однако несомненно, что род Кавасил materially очень пострадал в эту пору. Димитрий Кавасила, например, после конфискации зилотами всего имущества был вместе с семьей изгнан из Фессалоники¹⁵. Возможно, была ущемлена materially и семья Николая Кавасилы (или существовала такая угроза). Во всяком случае, его первая политическая акция носила явно прокантакузинский характер. Эту акцию — миссию к Мануилу Кантакузину — следует рассматривать как замыкающее звено в цепочке событий, отражавших рост симпатий в среде фессалоникийской знати и зажиточных людей к врагу зилотов Иоанну Кантакузину. Эта цепочка: заговор верных Кантакузину динатов во главе с протостратором Феодором Синадином весной 1342 г., закончившийся изгнанием последнего из зилотской Фессалоники вместе с тысящей динатов¹⁶; неудачный заговор против зилотов «средних» горожан под руководством представителя тесої Гавалы¹⁷ после попытки Иоанна Кантакузина захватить Фессалонику осенью 1343 г.; расправа над зилотами и убийство их вождя Михаила Палеолога правительственным наместником города Иоанном Апокавком¹⁸. После убийства мегадуки Алексея Апокавка в Константинополе 11 июня 1345 г. его сын Иоанн, великий примикийрий Фессалоники, отказался от своей прежней ориентации на правительство Анны Савойской. Под воздействием фессалоникийской знати он решил завязать переговоры с врагом зилотов (и врагом его убитого отца) Иоанном Кантакузином. Было решено направить послов к сыну Иоанна Мануилу Кантакузину¹⁹. Вот здесь-то и появляется на политической сцене Николай Кавасила.

Совет архонтов Фессалоники, решив передать город Иоанну Кантакузину, остановил свой выбор для посольства к Мануилу, правившему

Верией, на Николае Кавасиле и Георгии Фармакие. Почему же была выдвинута кандидатура Николая, которому в ту пору было немногим более 20 лет? Вполне допустимо, что его толкало на это желание вернуть с помощью Кантакузина владения, захваченные сербами (о них он упоминает в письме к своему другу Дмитрию Кидонису²⁰). Интересным в этом отношении представляется наблюдение Аф. Ангелопулоса о том, что фамильные владения Николая находились в пределах современного омонима — деревни Кавасила, в 16 км от Верии, куда направлялось посольство. Вполне возможно, что хорошее знание Николаем местности, а также его заинтересованность в возвращении утраченных в результате захватов враждебными Кантакузину сербами македонских территорий и определило решение совета архонтов.

Условия, которые были предложены послами на рассмотрение деспота Верии, сводились к полной амнистии городу (*ateleian koine te polei*) и сохранению прежних властей (власти Иоанна Апокавка)²¹. Как мы знаем по мемуарам Иоанна Кантакузина, посольство было успешным: Мануил оказал послам хороший прием и принял их условия²².

Последующие события заставили Николая Кавасилу окончательно встать на сторону Иоанна Кантакузина. *Penetes* Фессалоники ответили на попытку договориться с их врагом новым восстанием, начало которого относится к 1 сентября 1345 г. Многие представители знати погибли во время жестокой резни этого времени. Николай Кавасила был среди тех, кого преследовали зилоты, но ему вместе с немногими удалось спрятаться в колодце акрополя²³. Димитрий Кидонис в письме к Николаю позднее так комментировал эти события: «Ты испытал несчастное посольство и резню в акрополе, и тот ужасный день, когда божественная рука, вмещавшись свыше, защитила и, несомненно, дала тебе снова воскреснуть»²⁴. Среди убитых во время резни был Георгий Фармакий, входивший вместе с Николаем Кавасилой в посольство к Мануилу Кантакузину²⁵.

После воцарения Иоанна Кантакузина в феврале 1347 г. Димитрий Кидонис пригласил пострадавшего во время зилотского движения Николая на службу к этому императору. В письме к Кавасиле Кидонис пишет из столицы: «...ты уступишь настоящим просьбам друзей приехать, чтобы созерцать всеобщее счастье — нашего императора, который осуществил это чудо...»²⁶. Возможно, что это было уже не первое приглашение Николаю приехать в Константинополь, ибо Димитрий Кидонис пишет в этом же письме: «Я живу, считая дни, интересуясь направлением ветра, моля море о днях альционы (о таком же спокойствии, как в те дни, когда эти птицы вьют гнезда.— М. П.). И когда какая-нибудь галера приходила, с какой скоростью я мчался в порт большого города: я летел, как птица, надеясь увидеть тебя, прибывшего облегчить мое несчастье. Самым большим моим горем было то, что я не видел тебя здесь»²⁷. После победы Иоанна Кантакузина просьбы Димитрия Кидониса становятся более настойчивыми: «Я утверждаю, что ты можешь повиноваться императору, доставить удовольствие своим друзьям и уменьшить свои заботы жизни, потому что импе-

ратор обеспечит тебе все необходимое»²⁸. Во второй половине 1347 г. мы уже видим Николая Кавасилу при дворе Иоанна Кантакузина. Однако, и приехав в столицу, Николай Кавасила еще не был убежден, что поступил правильно. В письме к отцу из Константинополя он пишет о том, что императоры (Иоанн V Палеолог и Иоанн VI Кантакузин) оказывают ему покровительство, но он охотнее был бы в Фессалонике²⁹. В письме этого же времени к остиарию Фессалоники Синадину Николай Кавасила пишет, что он, подобно Одиссею, постоянно думает о родине³⁰. Однако вскоре он станет автором похвального письма в честь императора Иоанна VI Кантакузина³¹. Позже Иоанн Кантакузин напишет в своих мемуарах, что в эти годы императорская милость оказывалась прежде всего двум друзьям, т. е. Димитрию Кидонису и Николаю Кавасиле³².

Иоанн VI Кантакузин поручил Кавасиле в год своего воцарения сопровождать вождя исихазма Григория Паламу в зилотскую Фессалонику в связи с передачей последнему фессалоникийской митрополичьей кафедры³³. Как известно, город не принял этого митрополита, признавая законным только одного императора — Иоанна V Палеолога. Григорий Палама вместе с сопровождающими его лицами удалился на Афон³⁴. Здесь сопровождаителям Паламы — Георгию Исарису, Николаю Кавасиле и Марку Ангелу Вардалису³⁵ пришлось принять участие в осуждении прота св. Горы Нифона, обвиненного в массалианстве.

В 1349 г. Иоанн Кантакузин, решив вступить на монашескую стезю, избрал своими спутниками Димитрия Кидониса и Николая Кавасилу (позднее бывший император назовет их в своей «Истории» мудрыми светскими аскетами: «мужи, достигшие вершин мудрости и искусные в делах, избрали и мудрую жизнь, уклонясь от несчастий брака»³⁶). Однако пребывание Кантакузина и его друзей в Манганском монастыре (близ Константинополя) было непродолжительным³⁷.

После 1349 г. мы встречаем Николая Кавасилу преимущественно в сфере церковной политики. В сентябре 1350 г. он вместе с Георгием Исарисом и Марком Ангелом Вардалом (как и немного ранее на Афоне) принимал участие в обвинении иеромонаха Нифона на церковном соборе³⁸. В 1353 г. Николай Кавасила наряду с Филофеем Коккином и Макарием был выдвинут кандидатом на патриарший престол после бегства прежнего патриарха Каллиста, не пожелавшего короновать Матфея, старшего сына Иоанна Кантакузина, и сохранившего верность Иоанну V Палеологу. Патриархом стал Филофей, который и короновал Матфея в феврале 1354 г. Как известно, Николай Кавасила написал по случаю этой коронации энкомий Матфею³⁹.

Все годы пребывания в Константинополе Николай Кавасила придерживался ортодоксального направления в церковной политике. Когда учение Григория Паламы, откровенным покровителем которого был Иоанн Кантакузин, было одобрено на церковных соборах, Кавасила стал яростным сторонником паламизма. В 1355 г. после диспута по религиозным вопросам он выступил с памфлетом, содержащим гневные обвинения в адрес одного из противников Григория Паламы — Никифора Григоры⁴⁰.

После ухода с политической сцены Иоанна Кантакузина мы не встречаем более Николая Кавасилу в сфере политики. Он целиком отдается писательской работе, причем предметом его размышлений станет чистая теология.

Мы снова перелистали те страницы жизни Николая Кавасилы, которые могут быть отнесены к сфере его политической деятельности. То, что мы знаем о Николае по приведенным здесь фактам, крайне мало для выяснения его политических идеалов. Мы знаем лишь, что он был на службе у Иоанна Кантакузина. Но было ли это признанием идей кантакузинизма, идей крупных феодалов, проявлявших сепаратистские тенденции? В поисках ответа попробуем обратиться к сочинениям Николая Кавасилы этих лет.

В конце 40-х — начале 50-х гг. Кавасилой написаны основные его творения, так или иначе касающиеся проблем политической жизни империи. Это «Слово против ростовщиков», письмо-энкомий Иоанну Кантакузину, «Афинянам об алтаре сострадания в них», «Слово об архонтах, беззаконно дерзающих в отношении святынь»⁴¹, энкомий Анне Савойской, «Благочестивой Августе о проценте», энкомий Матфею Кантакузину, «Слово против нелепостей Григоры».

В названных сочинениях Николай Кавасила среди трафаретных фраз, соответствующих канонам «высокой» византийской литературы, встречаются небольшие пассажи, содержание которых можно счесть критическим. Чаще всего это выступления против войны и междоусобиц. В сочинении «Благочестивой Августе о проценте» Кавасила пишет: «Я называю бурей (kludona) то время, когда императоры находились в ссоре, когда города снедались распрями, пренебрегали согласием и были разделены между собой, когда был обнажен меч против законов и руки христиан обагрились кровью их соотечественников»⁴². Сразу после избавления от грозившей ему расправы со стороны зилотов Николай Кавасила написал «Молитву Господу нашему Иисусу Христу», где призывал то время, когда прекратятся гражданские войны, тревоги, несчастья и человеческая резня⁴³. В ставшем ныне широко известным благодаря публикации И. Шевченко «Слове об архонтах» Николай Кавасила осуждает войну, считая, что создавать следует во имя блага общества, а не для войны⁴⁴. В энкомии Анне Савойской, намекая на события гражданской войны конца 40-х — начала 50-х гг., Николай Кавасила утверждает, что, претерпевая их, родная земля «пребывает в несчастьи» (dystychei)⁴⁵.

Вызывает резкое осуждение Кавасилы проявление беззакония. Он пишет в «Слове об архонтах»: «Не было такого времени, когда беззакония бы прощались» (Арх., 31, 21—22). Кавасила горячо доказывает, что «закон следует оберегать», «нарушителей же осуждать и наказывать» (Арх., 31. 15. 23—24).

Против кого же направляет Николай Кавасила свою критику? Кого он считает виновным в тех распрях, которыми была истерзана страна, в беззаконии, совершаемом каждодневно? В большинстве случаев его критические замечания носят неконкретный, трафаретный характер. В сочинении «Афинянам» он видит беду в том, что закон «не запре-

щает прелюбодеям разрушать брак; грабителям бесчинствовать в отношении могил; притеснителям, несправедливым, преступникам и изменникам советовать в отношении городов, судьям красть и быть нечестными в отношении законодательства...»⁴⁶. Однако несмотря на слишком общий характер критики, в этом фрагменте можно увидеть чиновников (может быть, даже высоких ступеней — тех, кто «советует в отношении городов») и судей.

Афиняне (современники Николая Кавасилы) порицаются за то, что алтарь сострадания в них закрыт для несчастных, но открыт для свершающих преступление («намеревающиеся совершить проступок в то же время вспоминают об алтаре...») ⁴⁷. Не заложен ли в этих словах элемент критики церкви, откровенно причастной в это время к сфере политики и поддерживающей то одну, то другую сторону в политических мятежах?

Иногда Николай Кавасила называет виновными подданных императора. В энкомии Анне Савойской он утверждает, что правители не могут отвечать за несчастья своих подданных, если последние отказываются вести себя нормально⁴⁸. В другом месте он прямо противопоставляет мятежную знать центральной власти. Обращаясь к Анне Савойской, он пишет о ее противниках: «Пусть они, злые и бесчеловечные, помнят, что ты обладаешь властью»⁴⁹.

В труде «Благочестивой Августе о проценте» состояние всеобщей невзгоды, по мнению Кавасилы, создавалось правителями, находящимися в ссоре⁵⁰.

Довольно резко выступает Николай Кавасила против «тех дурных из числа архонтов, которые умышленно нарушают законы» (Арх., 1. 1—2). Он недвусмысленно ставит под сомнение тот факт, что архонты «отправляют правосудие во всем одинаково и соблюдают положенные законы по отношению ко всем» (Арх., 14. 14—16). Он называет архонтов «осквернителями закона» (Арх., 51, 52).

Кого же следует понимать под архонтами? Местами (особенно, когда Николай Кавасила сравнивает архонта с тираном) создается впечатление, что несправедливый правитель — это сам император (Арх., 23, 29), в других случаях — это судьи, чиновники высшего ранга. Следует признать допустимым и предложение И. Шевченко отождествлять архонтов в сочинении Николая Кавасилы «Об архонтах» с правителями Константинополя и с близким императору Алексеем Апокавом⁵¹.

Но чаще всего мы не в состоянии определить объект негодований Николая Кавасилы. В большинстве случаев его критика безадресна, как, например, в сочинении «Афинянам», где упреки брошены всем афинянам, т. е. всем соотечественникам Кавасилы. В рассматриваемых сочинениях осуждается несправедливость вообще, а не какая-либо конкретная акция. Писатель порицает современное ему общество скорее с моральных, нежели с политических позиций (хотя, казалось бы, как одно можно отделять от другого?)

Несомненно, в этой критике, не относимой автором к определенным лицам, к конкретным ситуациям, содержится в известной мере вне-

временной элемент. Эти слова могли быть сказаны и в VI, и в XII вв. Такова, увы, специфика риторики! Но ведь эти слова могли и не быть сказаны: риторические темы безграничны. И, будучи сказанными, приведенные выше фразы из сочинений Николая Кавасилы воспринимаются как отношение к обществу своего времени.

Какие же меры по улучшению устройства общества предлагает писатель? В этом отношении Николай Кавасила очень осторожен. Он лишь ратует за противоположное общественное состояние — за мир и справедливость. Но порой с уст Кавасилы срываются более определенные слова. По мнению автора, вредные для общества архонты (те, на которых не могут воздействовать «руки врачей и лекарство»), должны понести уголовное наказание: «им, отданным в руки судей, следует ожидать меча и ямы (баратра), куда сбрасывают осужденных» (Арх., 2. 12—15). По Кавасиле, люди, не заботящиеся о своих подданных, не могут править городами (Арх., 23). Эти его обвинения можно было бы поставить в один ряд с выводами его современника Алексея Макремволита («Правитель государства... должен был бы принять решение, угодное Богу, и изгнать из правительственного дворца тех, кто не заботится о своих подданных»⁵²), если забыть, что Николай Кавасила социально стоял гораздо выше этого писателя, бывшего учителем и землемером. К тому же, следует учесть, что все эти резкие слова сказаны Кавасилой в защиту частной собственности (этому посвящено его сочинение «Слово об архонтах» от первой до последней строки). Совершенно очевидно, что все эти критические сентенции Николая Кавасилы классово ограничены.

Каково отношение нашего автора к императорской власти? Какой тип правителя нужен был тем слоям, которые он отражал в литературе?

В общих рассуждениях Николая Кавасилы можно увидеть нечеткие контуры его политического идеала. В похвальных словах из привычного ассортимента императорских добродетелей он, перечисляя их в полном наборе, склонен сделать акценты на нескольких. Каких же?

Прежде всего, по Кавасиле, император должен заботиться о своих подданных⁵³. Человеколюбие Анны Савойской стало лейттемой энкомия, обращенного к ней. Похвальное слово Иоанну Кантакузину Николай Кавасила начинает с утверждения, что этот правитель заботится о подданных, словно «матери о детях»⁵⁴. В энкомии же Матфею Кантакузину он не просто констатирует наличие этого качества у Матфея, но поднимается до рекомендации новому правителю, напоминая ему, что он избран «для процветания», «для всеобщего блага»⁵⁵. По «Слову об архонтах» отношение правителей к подчиненным должно напоминать отношение опекунов к детям, чьими делами они управляют (Арх., 6). Кавасила считает возможным лишь того назвать мудрым правителем, кто сохраняет свободу подданных (Арх., 24. 18—21).

Вторая черта, обращающая на себя внимание в характеристике, данной Николаем Кавасилой царствующей особе, — это просвещенность. Несколько раз называет он Анну Палеологиню философствующей правительницей (хотя, как известно, она не была высокообразованна).

Положительным качеством архонтов Кавасила считает их мудрость (Арх., 3. 1).

Четче позволяет выявить идеал правителя проводимое в «Слове об архонтах» противопоставление архонта тирану. Последний заинтересован в собственной выгоде, угнетает подданных, попирает закон (Арх., 25. 1—4). Архонт же «не оскорбляет законы и свободу подданных», «совершает благодеяния в отношении подчиненных», «уважает в них людей» (Арх., 25). Дополняя эту мысль, Кавасила восклицает: «Как может существовать власть без свободы, выше всего почитаемой людьми?» (Арх., 26. 1—2). Закономерно поставить здесь вопрос о содержании слова «свобода» у Николая Кавасилы. Ответ на этот вопрос, содержащийся в «Слове об архонтах», вносит некоторые коррективы в определение политического идеала Кавасилы: «Если никто не может быть себе господином, если архонты обладают неограниченной властью, если любое упоминание о государстве влечет за собой боязнь потери имущества, кто тогда будет заинтересован в приобретении денег, кто будет ремесленником, земледельцем, купцом, зная, что все приобретенное достанется другим?» (Арх., 26. 8—12). Следовательно, свобода, по Николаю Кавасиле, это свобода собственности прежде всего. Исходя из этого понимания свободы личности, Кавасила говорит, что идущие по пути тиранов должны или садить в тюрьмы подданных, или преследовать их, как врагов, или потерять власть (Арх., 26. 3—6).

Но поскольку существование государства Николай Кавасила не мыслит без монарха, он стремится дать советы тем правителям, которые стояли в это время во главе империи. Часто бывает трудно уловить в его сочинениях, где кончается прославление истинных качеств правителя и где начинаются рекомендации ему. В «Слове об архонтах», правда, он прямо говорит, что дает советы правителям, как «врач составляет лекарство для пациентов» (Арх., 2. 6—7). Часто этим лекарством от хаоса и беспорядков, царящих в стране, представляется устойчивость, непоколебимость правителя⁵⁶. В энкомии Анне он преподносит ей в виде похвалы это постоянство: «Ты одна, великая царица, не изменяешься вместе с другими»⁵⁷. Эту похвалу он подтверждает далее дидактическим наставлением: «...Мы, являющиеся более сильными, чем дела, должны быть сильнее поворотов (судьбы. — М. П.)»⁵⁸. Мы помним, что Анна Савойская не отличалась политическим постоянством⁵⁹. Следовательно, делая ей этот реверанс, Николай Кавасила выражает свое желание видеть государя именно таким (впрочем, может быть, такая похвала была скрытым упреком Анне за ее непоследовательность в политике?). Советуя и упрекая, Кавасила надеется, что «архонты будут благодарны ему за упреки и это сделает их более полезными для общества» (Арх., 1. 15—16, 60. 7—8)⁶⁰.

Итак, несомненно, что Николай Кавасила связывал благополучие государства с идеалами сильного государя. Он не был одинок в этих своих мечтах об идеальном монархе — просвещенном, справедливом и могущественном. В пору феодальных мятежей, жестоких классовых столкновений, внешнеполитической неустойчивости империи о сильном государе мечтали многие писатели этой эпохи — Фома Магистр,

Матфей Властарь, Константин Арменопул, Димитрий Кидонис⁶¹. И не столь уж важно, пожалуй, сопоставление всех *pro et contra* его приверженности Кантакузину или другому политическому лицу. Вероятно, он рад был бы поддержать и Иоанна Кантакузина и Матфея, и Иоанна Палеолога, и Анну Савойскую — любого из деятелей различных группировок господствующего класса, лишь бы увидеть воплощенным свой идеал сильного просвещенного монарха.

Многие мыслящие люди различных времен и в самых различных ситуациях не раз обосновывали теории, сводившиеся к утверждению необходимости установления власти могущественного монарха. Невольно вспоминается образ *il Principe*, созданный в раздробленной Италии полутора столетиями позднее времени Николая Кавасилы. Может быть, в сочинениях нашего автора проявился некий византийский макиавеллизм как отражение новых веяний переходного периода? Нет, несомненно мечты Николая Кавасилы и Никколо Макиавелли о сильном правителе очень несхожи. Государь Макиавелли «часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии»⁶², у него никогда не будет «недостатка в законных причинах, чтобы скрасить нарушенные обещания...»⁶³ По Макиавелли, «родину надо защищать средствами славными или позорными...»⁶⁴ Николай Кавасила же называет грабителями и тиранами тех, кто нарушением закона достигает некоторых результатов, которые кажутся дальнейшим продвижением общественного блага, кто незаконными действиями обеспечивает нужды государства (Арх., 23). Противоречит теории Макиавелли и тезис Кавасилы о необходимости примирения с политическими врагами⁶⁵.

Не можем мы также сравнивать мечты Николая Кавасилы о централизованной монархии с системой государственности, называемой абсолютной монархией. Последняя либо покоилась на временном вынужденном союзе угасающего дворянства и поднимающейся буржуазии, либо являлась результатом воздействия определенного социального и политического климата внутри большого региона, превосходящего размеры отдельного государства. В Византии середины XIV в. не было социальной базы для установления такой формы правления (и даже для мечтаний о ней).

Несомненно, что просвещенный правитель в идеалах Николая Кавасилы был не абсолютным монархом позднесредневекового времени. Он был тем идеальным архонтом, о котором давным-давно писал еще Платон. Именно Платону принадлежит мысль о том, что правитель должен быть просвещенным («философствующим») ⁶⁶, уважающим закон, справедливым ⁶⁷.

Можно ли сказать, что идеалы Николая Кавасилы о сильном правителе были порождены только греко-римскими традициями, которые всегда довели над умами просвещенных людей Византии? Было ли это чисто абстрактным умствованием на примерах греческой истории и литературы? Думается, что сама атмосфера политической жизни империи середины XIV в. обратила взоры писателя к платоновским идеалам. Империя в случае победы зилотской Фессалоники могла бы

найти путь к укреплению центральной власти через союзы с городами. Но после поражения движения зилотов (а именно в это время и писал Николай Кавасила) эти идеалы уже были утопией. Византия потеряла возможность встать на путь прочной централизации. Однако причин этой социальной и политической недееспособности империи не видели и не могли видеть ее писатели, тщетно искавшие ключ к современным им событиям в кладовых античной мудрости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья не затрагивает социальных основ этой борьбы в широком плане, ограничиваясь лишь вопросом об интеллигенции, которая в этот период была представлена преимущественно образованной аристократией и близкими к ней людьми, преподавателями высшей школы, а также писателями среднего достатка, учителями.

² *I. Sevcenko*. Nicolas Cabasilas'. "Anti-Zealot" Discourse: a reinterpretation.— *DOP*, 11, 1957, p. 157—158; *K.-P. Matschke*. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971, S. 222.

³ *St. Kouroussis*. Hai antilepseis peri ton eschaton tou kosmou kai he kata to etos 1346 ptosis tou troullou tes hagian Sofias.— *EHBS*, 37, 1969—1970, p. 241—250.

⁴ *G. Gammeli*. Démétrius Cydonès. Correspondance. Paris, 1930, p. 205; *J. Karayanopoulou*. Pegai tes byzantines historias. Thes., 1970, p. 364.

⁵ См. об этом: *M. Lot-Borodine*. Un maître de la spiritualité byzantine au XIVe siècle. Nicolas Cabasilas. Paris, 1958, p. 3; *R.-J. Loenertz*. Chronologie de Nicolas Cabasilas 1345—1354.— *OCP. Miscelanea Georg Hofmann S. J.*, v. XXI, 1—II, Roma, 1955, p. 226.

⁶ Изъяснения божественной литургии архиепископа Фессалоникийского Николая Кавасилы.— «Журнал Московской патриархии», 1971, № 5, стр. 75; *A. Angelopoulos*. Nikolaos Kabasilas Chamaetos he dzoe kai ergon autou. Thes., 1970, p. 87.

⁷ *R.-J. Loenertz*. Chronologie..., p. 217; *A. Angelopoulos*. Nikolaos Kabasilas..., p. 19, pinax I.

⁸ Хронология жизни Николая Кавасилы вызвала большие споры в науке. До 50-х гг. было принято относить его рождение к началу века. После появления статей И. Шевченко (Nicolaus Cabasilas' correspondence and the treatment of late byzantine literary texts.— *BZ*, 47, 1, 1954) и Р. Лэнертца (Chronologie...) мы считаем Николая Кавасилу сверстником Димитрия Кидониса, т. е. относим его рождение примерно к 1324 г. Следовательно, изданные П. Энепекидесом письма Николая Кавасилы (Der Briefwechsel des Mystikers Nikolaos Kabasilas. Kommentierte Textausgabe.— *BZ*, 46, 1, 1953) приходится относить к годам, не соответствующим датировке издателя.

⁹ *A. Angelopoulos*. Nikolaos Kabasilas..., p. 25.

¹⁰ *P. Enepekides*. Der Briefwechsel..., № 1. 1—2.

¹¹ *Ibid.*, № 3, 4.

¹² *Ibid.*, № 3.

¹³ *M. Jugie*. Nicolas Cabasilas. Panégyriques inédits de Mathieu Cantacuzène et d'Anne Paléologine.— *ИРАИК*, XV, 1911, p. 118—121; *Hellenika*, 9, 1936, p. 203—204.

¹⁴ *A. Angelopoulos*. Nikolaos Kabasilas..., p. 35.

¹⁵ Хрисовул Иоанна VI Кантакузина от ноября 1347 г.— *Actes de Dionysiou*. Edition diplomatique par N. Oikonomides. Archives des l'Athos, IV, Paris, 1968, № 2. 12—20.

¹⁶ Joannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV, ed. L. Schopen. L. 111. v. II, Bonnae, 1831, p. 234. 1—2, 235. 10 (Далее.— *Cant.*).

¹⁷ *Ibid.*, III, 393. 24—394. 1—2.

¹⁸ *Ibid.*, III, 570.

¹⁹ *Ibid.*, III, 574.

²⁰ *P. Enepekides*. Des Briefwechsel..., № 14. 11—12.

²¹ *Cant.*, III, 574. 13—16.

- ²² *Ibid.*, III, 574. 20—24.
- ²³ *A. Angelopoulos. Nikolaos Kabasilas...*, p. 41.
- ²⁴ *Démétrius Cydonès. Correspondance*, éd. par R.-J. Loenertz, v. I, Vatic., 1956, № 87. 11—13
- ²⁵ *Cant.*, III, 581. 16—18.
- ²⁶ *Demetrius Cydones. Correspondance*, № 87. 8—10.
- ²⁷ *Ibid.*, № 87. 16—22.
- ²⁸ *Ibid.*, № 87. 30—34.
- ²⁹ *P. Enepekides. Der Briefwechsel...*, № 6. 8—10.
- ³⁰ *Ibid.*, № 7.
- ³¹ *Ibid.*, № 17.
- ³² *Cant.*, IV, 107. 18—20.
- ³³ *R.-J. Loenertz. Chronologie...*, p. 208; *A. Angelopoulos. Nikolaos Kabasilas...*, p. 47.
- ³⁴ В это время Николай Кавасила, вероятно, и познакомился основательно с учением Григория Паламы, которое станет позднее основой его теологической концепции.
- ³⁵ *J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series gr.*, t. 152, 1310B.
- ³⁶ *Cant.*, IV, 107. 14—18.
- ³⁷ Аф. Ангелопулос предполагает, что Николай Кавасила сопровождал во второй раз Григория Паламу в уже побежденную Фессалонику (р. 49—50), однако упоминаний об этом в источниках мы не встречаем.
- ³⁸ *F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*, v. I. *Acta patriarchatus Constantinopolitani*, CXXXIII, p. 296—300.
- ³⁹ См. об этом в ст.: *М. А. Поляковская. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник.*—АДСВ, вып. 9: Свердловск, 1973.
- ⁴⁰ *A. Garzya. Un opusculé inédit de Nicolas Cabasilas.*—Byzantion, v. 24, 1954 (1956), p. 521—532.
- ⁴¹ Хронология «Слова об архонтах» вызывает до сегодняшнего дня горячие дискуссии. Исследователи относят это сочинение Николая Кавасилы к различным периодам от 1344 г. до 70-х гг. XIV в. Одна из последних работ о датировке этого труда: *P. Charanis. Observations on the "Anti-Zealot" Discourse of Cabasilas.*—RESEE, IX, 1971, p. 369—376. Мы считаем более убедительной первую из трех предложенных И. Шевченко датировок (около 1344 г.—DOP, 11, 1957, p. 170), а также мнение Аф. Ангелопулоса по этому поводу (приблизительно 1347 г.—*A. Angelopoulos. Nikolaos Kabasilas...*, p. 90). См. также: *М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг.*—ВВ, т. 28, 1968, стр. 19. Вполне допустимо, что «Слово...» было написано Кавасилой и несколько позднее — в рамках 50—60-х гг.
- ⁴² *R. Guiland. Le traité inédit "Sur l'usure" de Nicolas Cabasilas.*—Etudes byzantines. Paris, 1959, p. 83; *R.-J. Loenertz. Chronologie...*, p. 223.
- ⁴³ *A. Angelopoulos. Nikolaos Kabasilas...*, p. 83.
- ⁴⁴ *I. Sevcenko. Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot"...*, pp. 91—125; *Logos peri ton paronomos tois archousin epi tois hierois tolmomenon*, 24.
- ⁴⁵ *M. Jugie. Nicolas Cabasilas. Panégiriques...*, p. 118. 37.
- ⁴⁶ *Athenaïois peri tou en autois eleou bomou*, 16—20.—*A. Angelopoulos. Nikolaos Kabasilas...*, p. 116.
- ⁴⁷ *Ibid.*, p. 116. 12. 23—25.
- ⁴⁸ *I. Sevcenko. Nicolas Cabasilas' correspondence...*, S. 55, B. 5.
- ⁴⁹ *R.-J. Loenertz. Chronologie...*, p. 222.
- ⁵⁰ См. примеч. 42.
- ⁵¹ *I. Sevcenko. Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot"...*, p. 170; *A. Angelopoulos. Nikolaos Kabasilas...*, p. 90.
- ⁵² *Алексей Макремволит. Разговор богатых и бедных. Что сказали бы бедные богатым и что богатые ответили бы им. Перевод и комментарии М. А. Поляковской.*—ВВ, т. 33, 1972, стр. 281.
- ⁵³ Это та императорская ипостась, которую Г. Хунгер на материалах прооимиев назвал сферой ответственности за подданных.—*H. Hunger. Prooimien.* Wien, 1964, S. 84—102.
- ⁵⁴ *P. Enepekides. Der Briefwechsel...*, № 17. 1—2.
- ⁵⁵ *M. Jugie. Nicolas Cabasilas. Panégiriques...*, p. 116. 27—31.
- ⁵⁶ О постоянстве и непостоянстве в человеческом характере см.: *Я. Н. Любарский. Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла.*—ВВ, т. 33, 1972, стр. 96.

⁵⁷ *M. Jugie. Nicolas Cabasilas. Panégyriques...*, p. 120. 27—33.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 121. 3—5.

⁵⁹ См. об этом, например, в статье: *М. А. Поляковская. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник*, стр. 81—82.

⁶⁰ Мы не останавливаемся на такой черте характера правителя, как благочестие. Утверждение необходимости этого качества у правителя проходит ведущим мотивом во всех сочинениях Кавасилы. Он, как и многие другие авторы его времени, предлагал правителям во всем следовать богу и божественным законам.— *M. Jugie. Nicolas Cabasilas. Panégyriques...*, p. 119, 30—32. Это тем более объяснимо для Кавасилы, получившего образование под руководством крупного богослова середины XIV в. Нила Кавасилы. Кроме того, следует учитывать, что с 50-х гг. Николай уходит в сферу церковной политики, а позднее полностью отдается теологическим исследованиям.

⁶¹ См. об этом: *М. Я. Сюзюмов. К вопросу о характере выступления зилотов...*, стр. 30—31.

⁶² *Никколо Макиавелли. Князь*, гл. XVIII.— *Сочинения*, т. 1. М., 1934, стр. 287—288.

⁶³ *Там же.*

⁶⁴ *Там же.*

⁶⁵ *M. Jugie. Nicolas Cabasilas. Panégyriques...*, p. 116. 1—8.

⁶⁶ *Платон. Государство*.— *Соч.* В 3-х т. Т. 3, ч. 1. М., 1971, стр. 275, 286, 301, 304, 306, 307, 309, 328, 329 и др.

⁶⁷ *Платон. Законы*.— *Там же*, т. 3, ч. 2. М., 1972, стр. 68, 70, 182 и др.